

Часть 1

Глава 1

Корк, графство Корк, Ирландия, 1910

Китти Деверилл было девять лет. Для других детей, появившихся на свет в иные дни, девятилетие не имело особого значения. Но для Китти, родившейся на девятый день девятого месяца в 1900 году, это стало весьма знаменательным событием. Однако вовсе не мать, красивая и самовлюбленная Мод, вложила подобную идею в голову ребенка; Мод не особо интересовалась Китти. Она имела еще двух дочерей, которые вскоре должны были достичь совершеннолетия, и любимого сына, обучавшегося в Итоне, что был для нее светом очей. За пять лет между рождением Гарри и Китти у Мод случилось три выкидыша, причиной которых стали скачки верхом на лошади по холмам вокруг Баллинакилла. Мод не собиралась отказывать себе в излюбленных развлечениях из-за нежеланной беременности. Однако никакие лихие скачки не помешали ей выносить четвертого ребенка. Вопреки ожиданиям, этот младенец оказался слабой пищашей девочкой с рыжими волосами и прозрачной кожей, и она больше напоминала тощего котенка, нежели человеческое дитя. Отвернувшись с отвращением, Мод отказалась признавать ее. Мать и в самом деле совершенно отвергла своего ребенка, не разрешила друзьям наносить визиты, надела костюм для верховой езды и отправилась на охоту — словно родов и во все не было. Для женщины, настолько упивающейся собственной красотой, уродливый младенец стал оскорблением. Нет, Мод никогда не вложила бы в детскую головку идеи о том, что Китти хоть в чем-то особенная.

Это сделала ее бабушка по отцу, Аделина, леди Деверилл. Именно она сказала, что 1900 год был благоприятным и дата ее рождения тоже примечательна, поскольку содержит так

много девяток. Китти — ребенок Марса, не раз напоминала ей Аделина, когда они сидели вместе в личной гостиной бабушки на первом этаже, одной из немногих комнат замка, где всегда было тепло. Это означало, что в ее жизни определяющую роль будет играть конфликт — боги сдали ей на руки весьма противоречивые карты, словно зная наверняка, что Китти сможет принять вызов, ей хватит на это мужества и мудрости. Аделина многое рассказывала внучке, и Китти всегда предпочитала ее сказки об ангелах и демонах тем скучным историям, что читала ей гувернантка из Шотландии, и даже болтовне кухонной прислуги. Женщины в основном обсуждали местные сплетни, а девочка была еще слишком мала, чтобы понять их. Аделина Деверилл знала о «всяком таком». О том, что заставляло деда Китти закатывать глаза и отмахиваться, называя это чушью. Отец же Китти над подобными байками лишь добродушно посмеивался. Однако такие разговоры изрядно беспокоили ее мать. Мод Деверилл не забавляла болтовня о духах, каменных ведьминых кругах и проклятьях, поэтому она приказала мисс Грив, шотландской гувернантке Китти, наказывать девочку, если та будет проявлять излишний интерес или ударится в отвратительные, как она считала, деревенские суеверия. Мисс Грив, издавая сквозь сжатые губы скупые восклицания, с видимым удовольствием хлестала ладошки Китти стеком. Поэтому девочка научилась быть скрытной. Она выросла хитрой, проявляя заинтересованность только рядом с Аделиной, в ее уютной теплой комнате, где всегда пахло торфом и сиренью.

Китти не жила в замке: там обитали ее дедушка и бабушка. Когда-нибудь в будущем его вместе с титулом лорда Деверилла должен был унаследовать ее отец. Этот титул восходил еще к семнадцатому веку. Китти жила в поместье, в старом Хантинг-Лодж, «охотничьем доме», расположенном на берегу реки, в нескольких минутах ходьбы от замка. Мать не обращала на нее внимания, поэтому девочка, которой удавалось легко обхитрить свою гувернантку, могла свободно бегать по са-

ду и всей округе, играть с местными детьми-католиками. Если бы мать узнала об этом, у нее приключился бы нервный срыв и она неделю пролежала бы в своей комнате, пытаясь прийти в себя. В целом же Мод часто бывала настолько чем-то занята, что, казалось, вовсе забывала о своем четвертом ребенке. Она даже сердилась, когда мисс Грив напоминала ей об этом.

Самым большим другом и союзником Китти была Брайди, черноволосая дочь кухарки леди Деверилл, миссис Дойл. Девочки родились в один и тот же год с разницей всего в месяц, и Китти считала, что они «сестры по духу» из-за близости дат рождения и того, что обе в основном обитали в замке Деверилл. Брайди обычно помогала маме на кухне, чистила картофель или мыла посуду, а Китти слонялась вокруг большого деревянного стола и время от времени таскала морковку, когда миссис Дойл отворачивалась. Пусть у них и разные родители, объясняла Китти подруге, но их души связаны навечно. Там, под телесной оболочкой, скрываются существа из света, и между ними нет большой разницы. Брайди, благодарная Китти за дружбу, безоговорочно верила приятельнице.

Имея нестандартные взгляды на мир, Аделина с радостью закрывала глаза на то, что девочки играли вместе. Она любила свою странную маленькую внучку, так походившую на нее саму. В Китти Аделина нашла союзницу, которая высмеивала идеи о существовании фэй, но трепетала при упоминании призраков, между тем утверждая, будто не верит в них. Она не сомневалась: души обретают физические тела, дабы жить на земле и усвоить важные уроки для своего духовного развития. Таким образом, положение в обществе и богатство человека — всего лишь своего рода облачение, необходимое, чтобы исполнять ту роль, которую некто играет. Истинной же ценности это положение и зажиточность не имеют. По мнению Аделины, бродяга был так же ценен, как и король, поэтому она относилась ко всем людям с одинаковым уважением. «Что плохого в том, что Китти и Брайди наслаж-

даются обществом друг друга?» — спрашивала она себя. Сестры Китти слишком взрослые, чтобы играть с ней, а Силия, ее английская кузина, приезжает в гости только летом, так что бедному ребенку дружить не с кем. Не будь Брайди, Китти увлеклась бы бреднями о лепреконах и гоблинах и была бы навсегда потеряна для нее.

Одна история очаровывала девочку больше всех остальных: проклятие Бартона Деверилла. Вся семья знала, но никто кроме Аделины и самой Китти не верил в него. Они же не просто верили, они *знали*, что это правда. Это знание связывало бабушку и внучку прочно и бесповоротно, ведь Аделина обладала даром, о котором она никогда никому не говорила — даже мужу, и малышка Китти унаследовала этот дар.

— Давай я расскажу тебе о проклятии Бартона Деверилла, — сказала как-то Китти своей подруге Брайди зимним субботним вечером, когда они при свете свечи сидели в своем укромном уголке под черной лестницей.

Этот уголок представлял собой старый шкаф, стоявший на половине прислуги замка. Огонь осветил бледное лицо Китти, так что ее большие серые глаза казались странно старыми, будто у какой-нибудь ведьмы. Брайди почувствовала, как по коже пробежали мурашки, словно от страха. Она слышала, что ее мать рассказывала о банши¹ и ее воплях, которые считаются предвестниками смерти.

— Кто такой Бартон Деверилл? — спросила Брайди с милым певучим ирландским акцентом, разительно отличавшимся от отрывистых английских гласных Китти.

— Он являлся первым лордом Девериллом, именно Бартон построил этот замок, — ответила Китти, понизив голос для пушей драматичности. — Он был настоящим дикарем.

¹ Банши — персонаж ирландского фольклора, женщина, которая, согласно поверьям, является возле дома обреченного на смерть человека и своими характерными стонами и рыданиями оповещает, что час его кончины близок. (*Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*)

— Что он сделал?

— Захватил землю, не принадлежавшую ему, и построил на ней замок.

— Чья же это была земля?

— О'Лири.

— О'Лири? — Черные глаза Брайди расширились, и на щеках вспыхнул румянец. — Ты имеешь в виду *нашего* Джека О'Лири?

— Того самого. Говорю тебе, Девериллы и О'Лири не просто так недолюбливают друг друга.

— А что случилось?

— Бартон Деверилл, мой предок, являлся сторонником короля Англии Карла I. Когда его армии были разгромлены Кромвелем, он убежал во Францию вместе с королем. Позже, после коронации Карла II, новый король наградил Бартона за его верность, пожаловал ему титул и эти земли, где тот и построил замок. Отсюда и девиз семьи: «Замок Деверилл — его царство». Беда в том, что те земли не принадлежали королю, они являлись собственностью семьи О'Лири. Так что, когда их заставили уйти, старая Мэгги О'Лири, которая была ведьмой...

Брайди нервно рассмеялась.

— Она же на самом деле не была ведьмой!

Китти очень серьезно произнесла:

— Была. У нее имелись котел и черная кошка, способная превратить человека в камень одним взглядом больших зеленых глаз.

— То, что у нее были котел и кошка, еще не значит, что она ведьма, — возразила Брайди.

— Мэгги О'Лири была ведьмой, и все это знали. Она наложила проклятие на Бартона Деверилла.

Смех застрял в горле Брайди.

— А что говорилось в том проклятии?

— Что Бартон Деверилл и каждый наследник по мужской линии после него никогда не покинут замок Деверилл, но

останутся между тем светом и этим, пока О'Лири не возвратят себе свои земли. Это очень несправедливо, потому что дедушке и отцу придется бродить здесь в виде призраков, возможно, вечно. Бабушка говорит, весьма маловероятно, что какой-то из Девериллов когда-нибудь женится на ком-то из рода О'Лири!

— Кто знает? Они выбились в люди с тех пор, — услужливо напомнила Брайди, думая о Джеке О'Лири, чей отец был местным ветеринаром.

— Нет, они все обречены, даже мой брат Гарри, — вздохнула Китти. — Никто из них не верит в это, но я верю. Мне очень грустно оттого, что я знаю об их участи.

— Так ты говоришь, Бартон Деверилл все еще здесь? — уточнила Брайди.

Глаза Китти расширились.

— Он все еще здесь, и ему это не нравится.

— Ну, в действительности ты же не веришь в такие рассказы, ведь так?

— Я это *знаю*, — многозначительно произнесла Китти. — Я его *вижу*. — Она прикусила губу, понимая, что сболтнула лишнее.

Теперь Брайди по-настоящему стало интересно. Девочка знала, что ее подруга не обманщица.

— Как ты можешь его увидеть, если он призрак?

Китти наклонилась вперед и прошептала:

— Потому что я вижу мертвых.

Огонек свечи пугающе замигал, словно подтверждая ее слова, и Брайди вздрогнула.

— Ты можешь видеть мертвых?

— Могу и вижу. Все время.

— Ты никогда раньше не говорила мне.

— Потому что я не знала, могу ли тебе доверять.

— А какие они, мертвые?

— Прозрачные. Одни светлые, другие темные. Некоторые из них добры ко мне, а кто-то — нет, — пожала плечами Кит-

ти. — Бартон Деверилл довольно темный. Я не думаю, что при жизни он был очень хорошим человеком.

— Разве тебя это не пугает?

— Раньше пугало, пока бабушка ни научила меня не бояться. Она тоже их видит. Она говорит, что это дар. Но мне не разрешают болтать об этом. — Китти непроизвольно потерла ладонь большим пальцем.

— Они запрут тебя куда подальше, — сказала Брайди, и ее голос дрогнул. — Они всегда так делают, разве ты не знаешь? Многих запирают и за гораздо меньшие проступки. Вот отправят в Корк — и поминай как звали!

— Тогда лучше не говори никому.

— О, я никому не скажу.

Лицо Китти просветлело.

— А хочешь увидеть призрака?

— Призрака?

— Бартона Деверилла.

Кровь отлила от щек Брайди.

— Не знаю...

— Идем, я вас познакомлю. — Задув свечу, Китти толкнула дверь.

Две девочки вприпрыжку поспешили по коридору. Цвет их волос различался, однако, несмотря на это, они могли быть сестрами, так как были одного роста и одинакового телосложения. Но любой заметил бы разницу в их одежде и выражении лиц. Если на Китти было белое платьице, украшенное кружевами и шелковыми лентами, с завязанным на талии голубым бантом, то на Брайди — бесформенное коричневое платье из грубого колючего сукна. Китти носила высокие ботиночки на шнуровке до середины голени и толстые черные чулочки, ноги Брайди были босыми и грязными. Гувернантка Китти каждое утро причесывала ее, завязывая волосы лентами, чтобы они не лезли в лицо; за Брайди никто особо не ухаживал, и ее спутанные невымытые пряди почти достигали

тали. Разнилась не только одежда девочек, но и то, как они смотрели на мир. У Китти был спокойный, высокомерный взгляд ребенка, родившегося в привилегированной семье, а у Брайди — диковатый, мрачный постоянно голодного безпризорника. Но все же Брайди отчаянно нуждалась в подруге, и данная потребность позволяла преодолевать пропасть между этими детьми. Если бы не общество любящих бабушки и деда и периодическое внимание со стороны отца, когда он не уезжал на охоту или скачки, Китти совсем зачахла бы без любви. Именно эта жажда человеческой привязанности, тепла и уравновешивала их дружбу, потому что Китти нуждалась в Брайди точно так же, как Брайди — в ней.

И ежели Китти была не в курсе этих различий, то Брайди, которая слышала бесконечные жалобы родителей и братьев на свою судьбу, прекрасно осознавала их. Тем не менее она слишком любила Китти, чтобы дать волю ревности, и была очень польщена оказанной честью, дабы рискнуть потерять ее. Она приняла позицию пассивной покорности, свойственной овцам.

Девочки слышали, как миссис Дойл недовольно ворчала на одну из служанок на кухне, но они тихо словно мышки поспешили вверх по лестнице, понимая: если их поймают, времени для игр не будет, Брайди заставят опять становиться к раковине и мыть посуду.

Никто уже много лет не поднимался в западную башню. В верхней части замка было холодно и сыро, и винтовая лестница давным-давно нуждалась в ремонте. Две деревянные ступени, сгнив, обвалились, поэтому девочкам пришлось перепрыгивать через провалы. Брайди теперь могла вздохнуть свободно, тут их уже никто не найдет. Когда они дошли до конца лестницы, Китти толкнула тяжелую дверь и огляделась вокруг. Затем она, повернувшись к подруге, прошептала:

— Пойдем. Да не бойся. Он не причинит тебе вреда.

Сердце Брайди бешено застучало. Неужели она и в самом деле увидит призрака? Китти казалась очень уверенной. Брай-

ди в предвкушении робко последовала в комнату за подругой. Она посмотрела на Китти. Та, глядя на грязное старое кресло, улыбалась, как будто в нем кто-то сидел. Но Брайди не видела ничего, кроме выцветшего бордового шелка. Однако в комнате было холоднее, чем в остальных частях замка. Девочка поежилась и обняла себя в попытке сохранить тепло.

— Ну, разве ты не видишь его? — спросила Китти.

— Я ничего не вижу, — ответила Брайди, которой отчаянно хотелось увидеть хоть что-то необычное.

— Но вот же он! — воскликнула Китти, указывая на кресло. — Постарайся увидеть, присмотришь!

Брайди всматривалась до тех пор, пока у нее не начали слезиться глаза.

— Я верю тебе, Китти, но не вижу ничего, кроме кресла.

Китти была явно разочарована. Она уставилась на мужчину, который хмуро восседал в кресле, закинув ноги на табурет и сложив руки на огромном животе. Девочка удивлялась тому, как такое возможно: она видит его так ясно и отчетливо, а Брайди вовсе не замечает.

— Но он прямо перед твоим носом. Это моя подруга, Брайди, — сказала Китти, обращаясь к Бартону Девериллу. — Она вас не видит.

Бартон, покачав головой, закатил глаза. Сей факт его не удивил. Он застрял в этой башне более чем на два столетия, и за все время лишь очень немногие могли его увидеть — в основном ненароком. Сначала казалось довольно забавным быть привидением, но теперь ему стало скучно, надоело наблюдать, как множество поколений Девериллов приходят и уходят, и его разочаровывали те из них, кто, подобно ему, застрял в замке в виде призраков. Его особо не впечатляла их компания, избежать которой было довольно трудно, слишком уж много разъяренных лордов Девериллов летало по коридорам замка. Башня являлась единственным местом, где он мог отдохнуть от них и праведного гнева этих призраков,

ведь после смерти они внезапно обнаруживали, что проклятие Бартона Деверилла не просто семейная легенда, а непреложная истина. Если бы они могли вернуться в прошлое, то с радостью приняли бы любую О'Лири в качестве невесты, таким образом впоследствии обеспечив себе вечный покой, освободив душу, чтобы та попала в рай. Но теперь было уже слишком поздно. Они застряли в этом мире и могли всего лишь обрушивать гневные тирады, в первую очередь на самого Бартона за то, что он построил замок на земле О'Лири.

Сейчас Бартон обратил свой пресыщенный взор на мрачную маленькую девочку, чье лицо раскраснелось от возмущения, как будто это он виновен в том, что ее подруга-простолюдника не может видеть его. Призрак, скрестив руки на груди, вздохнул. Он был не в настроении вести беседы. Тот факт, что девочка время от времени разыскивала его, не делал ее другом Бартона и не давал ей права показывать его другим, словно диковинное животное в зверинце.

Китти наблюдала, как он встал и прошел сквозь стену.

— Он ушел, — сказала она, удрученно опустив плечи.

— Куда?

— Не знаю. Он очень злой. Я бы тоже злилась, если бы застряла между мирами.

— Может, теперь вернемся назад? — Зубы Брайди громко стучали от страха.

Китти вздохнула.

— Думаю, да.

Они отправились вниз по винтовой лестнице.

— Только никому не говори, ладно?

— Да провалиться мне на этом месте! — торжественно пообещала Брайди, подумав вдруг, что у подруги просто слишком разыгралось воображение.

В недрах замка миссис Дойл мастерски взбивала шарики масла между двумя ребристыми деревянными лопастями,

а тощие кухарки чистили картофель, вспенивали яйца и ошипывали кур для ужина. Сегодня леди Деверилл пригласила на него двух своих незамужних сестер, Лорел и Хейзел, которых все ласково называли «кустиками»¹, а кроме того, родителей Китти — Берти и Мод — и приходского священника с супругой. Раз в месяц леди Деверилл следовало приглашать на трапезу святого отца с женой. Это было и светской обязанностью, и серьезным испытанием, ведь он представлял собой человека алчного, напыщенного и склонного к бесконечным неуместным нравоучениям прямо за обеденным столом. Леди Деверилл имела невысокое мнение об этом человеке, но, будучи самой старшей дамой высшего света Баллинакилла и прихожанкой англиканской церкви Ирландии, она должна была его принимать. Поэтому дала необходимые распоряжения кухарке, принесла цветы из теплицы и не без злорадства пригласила своих сестер, чтобы те отвлекали его нудной, несмолкаемой болтовней.

Увидев Брайди, миссис Дойл недовольно поджала губы.

— Брайди, что ж ты слоняешься по коридорам, когда мне нужно готовить банкет? Иди помогай. Ошпили эту куропатку. — Она протянула девочке птицу.

Брайди бросила взгляд на Китти и отправилась к другим служанкам, что сидели за большим дубовым столом посреди кухни. Миссис Дойл взглянула на стоявшую в дверях Китти, подумав, о чем же размышляет эта девочка с длинным бледным лицом и плотно сжатыми губами, уголки которых изогнуты вниз, словно она обладает некими исключительными знаниями о чем-то важном. В глазах этого ребенка было нечто такое, что пугало ее до смерти. Женщина не могла объяснить это, и она была не против того, что дети играют вместе, но все же ей казалось — ничего хорошего из их дружбы не выйдет, они вырастут, и жизнь неизбежно разведет их по

¹ Имя Лорел означает «лавр», а Хейзел — «орешник». (Примеч. пер.)

разным дорогам. А когда Китти оттолкнет Брайди, у той в душе останется ощущение холода и тоскливой боли. Женщина вернулась к работе. Снова подняв голову, она заметила, что Китти уже исчезла.

Глава 2

Внимание Китти отвлек громкий выстрел. Она на миг замерла на черной лестнице. Создалось впечатление, что выстрел прозвучал в стенах замка. За ним последовал грозный лай. Китти поспешила в холл и увидела, как три огромных коричневых волкодава ее деда выскочили из библиотеки и галопом понеслись вверх по лестнице. Ни секунды не колеблясь, девочка ринулась вслед за ними, перепрыгивая через две ступеньки. Добежав до лестничной площадки, псы помчались по коридору, буксуя на поворотах и едва не врезаясь в стены.

Китти обнаружила деда в гардеробной. Стоя у окна в привычных выцветших твидовых бриджах и куртке, он целился ружьем куда-то в сад. Старик азартно выстрелил еще раз. Выстрел канул в сырой зимний туман, застилавший лужайку.

— Чертовы паписты! — взревел дед. — Это научит вас, как посягать на мою землю! А теперь убирайтесь прочь, пока я хорошенько не прицелился и не отправил вас на тот свет раньше времени!

Китти смотрела на него в ужасе. Губерт Деверилл не впервые стрелял в католиков. Он часто конфликтовал с браконьерами и живодерами, которые тайком пробирались на его территорию в поисках дичи, и девочка нередко подслушивала разговоры у двери библиотеки, чтобы точно знать, как он к ним относится. Она не понимала, почему ее бабушка ненавидит людей лишь за то, что те католики. Все друзья Китти были ирландскими католиками. Псы крутились у его ног. Дед убрал ружье и ласково потрепал собак по холкам. Когда старик увидел внучку, стоящую на пороге комнаты, миниатюр-

ную копию своей супруги, неодобрительно нахмурившую брови, он с озорством ухмыльнулся.

— Привет, Китти. Дорогая, хочешь торта?

— Фруктового кекса?

— С капелькой бренди. Это пойдет тебе на пользу. Добавит твоим бледным щечкам немного румянца. — Он дернул шнур колокольчика, вызывая камердинера, который на половине прислуги в свою очередь позвонил в маленький звонок, установленный на специальной доске над именем «лорд Деверилл».

— Я от рождения бледная, дедушка, — заметила Китти, наблюдая за тем, как он, преломив ружье, повесил его на сгиб локтя, точно, как бабушка вешала свою сумочку, когда они отправлялись в Баллинакилл.

— Что там с битвой на реке Бойн? — спросил он.

Она вздохнула.

— Это было в прошлом году, дедушка. Сейчас я изучаю Великий пожар в Лондоне.

— Хорошо-хорошо, — пробормотал он, думая совсем о другом.

— Дедушка?

— Да?

— Ты любишь этот замок?

— Минус один балл за глупый вопрос, — сердито ответил Губерт.

— Я имею в виду, ты не будешь возражать, если останешься здесь на целую вечность?

— Ты о проклятии Бартона Деверилла? По-моему, твоей гувернантке следует учить тебя настоящей истории, а не сказкам и преданиям.

— Мисс Грив не учит меня преданиям. Это мне бабушка рассказывает.

— А, ну да... — пробормотал он. — Ерунда все это.

— Но ты был бы счастлив здесь, правда? Бабушка говорит, ты любишь замок больше, чем любой другой Деверилл.